

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 10. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-22, version 1.0
UUID: d27e8f6f-8207-102b-bf1a-9b9519be70f3
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Свадебное путешествие
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0010
III.....	.0020
IV.....	.0028

**Константин Михайлович
Станюкович**

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Минут за десять до отхода курьерского поезда в Москву перед пульмановским вагоном [1] стояла кучка дам и мужчин.

Провожавшие молодую чету Руслановых, три часа тому назад повенчанную в одной из модных домовых церквей – в «Уделах», были из «монда» [2].

Несколько хорошеньких женщин, много элегантных костюмов и шляп и тонкий аромат духов. Два красивых, моложавых, седых генерала. Офицеры блестящих полков. Юный мичман и десяток статских в модных пальто на безукоризненных фраках с цветами в петлицах.

Все казались оживленными и слегка возбужденными.

Чуть-чуть отделившись от кружка, стоял пожилой господин с выбритым усталым лицом и равнодушным взглядом, в черном пальто и с фетром на голове.

Он говорил старому адмиралу о погоде в Крыму прошлой осенью. Слегка наклонив голову, адмирал напряженно-внимательно слу-

шал, словно бы боялся проронить одно слово пожилого господина. В лице и в фигуре старика адмирала было что-то искательное и жалкое, хотя его высокопревосходительству не было ни малейшего дела ни до его превосходительства [3], ни до прошлогодней погоды.

Многие из провожавших Руслановых взглядывали на него значительно, с невольной раболепным чувством. Проходившие мимо мужчины, видевшие пожилого господина в его приемной и даже не бывавшие там, почтительно снимали шляпы, и лица их как будто расцветали, когда его превосходительство любезно приподнимал свой фетр с коротко стриженной заседевшей головы, не припоминая или не зная господ, кому кланялся.

Несколько ливрейных лакеев, стоявших сзади, упорно смотрели на него, и глаза их прилично-серьезных бритых лиц, казалось, загорались горделивым восторгом перед его престижем.

Казалось, невольное и часто бескорыстное раболепие было привычно пожилому господину и не стесняло его. Он принимал его как

нечто естественное, как то самое, что испытывал и сам в те времена, когда достигал высоты положения.

Мимо кучки провожающих шнырял господин, могущий внушать подозрение, не будь он вполне прилично одетый молодой человек в цилиндре, откровенно стремительный, озабоченный и победоносный, с бегающими, почти вдохновенными глазами.

Он так жадно оглядывал женские наряды, бросая более деловитые, чем восторженные взоры на женские даже хорошенькие лица, что можно было принять молодого человека за дамского портного, желающего «схватить» последнее слово фасонов платьев, жакеток и шляпок.

Немедленно выяснилось, что молодой человек не портной. Он набросился на начальника станции и, чуть не коснувшись его юпитерского лица своим длинным и тонким носом, с фамильярной торопливостью и краткостью допрашивал: «Кто новобрачный?.. Куда? Фамилии генералов? Посаженный ли его высокопревосходительство? Кто – в белом, сером, зеленом костюмах? Кто мать молодой?.. Го-

лубчик... Как же не знаете всех... Непостижимо!...»

Он полетел по перрону, напал на обер-кондуктора, вернулся и небрежно спросил ливрейных лакеев о сиреневом платье. В несколько минут он узнал все, что требовали его обязанности, и, присевши на скамью, вынул записную книжку и стал набрасывать материал для заметки в завтрашнем номере бойкой газеты, обращающей внимание на свежесть великосветской хроники.

– Это – репортер! Завтра попадем в газеты! – с гримаской, но втайне довольная, заметила одна дама.

«Молодая» – высокая, стройная брюнетка с крупной родинкой на загоревшейся матовой щеке, возбужденная и счастливая, казавшаяся гораздо моложе своих двадцати шести, была в «стильном» сером дорожном платье и в большой шляпе с яркими цветами, придававшей ее хорошенькому энергичному лицу что-то кокетливо вызывающее и горделивое.

Она стояла в центре кружка провожающих, обмениваясь со всеми короткими ласковыми словами. Все эти родные и знакомые,

не раз подвергавшиеся ее злословию, казалось, так сердечно высказывали ей привязанность, так горячи и искренни были их пожелания, что все, все казались ей в эти минуты необыкновенно милыми, хорошими и добрыми. И она как-то невольно придавала значительность и сердечную приподнятость своим самым обыкновенным и незначащим словам.

Но вдруг по лицу молодой женщины мелькнуло выражение испуга.

– Слушай, мамочка...

Пожилая, внушительного вида, сильно молодившаяся, подкрашенная вдова известного боевого генерала, довольная, что ее Мета вышла наконец замуж влюбленная и расходы заботливой матери сократятся, – услышала своим чутким ухом тревожную нотку в голосе дочери. И генеральша с еще большей нежностью спросила:

– Что, Мета?

– Мне... Пришли в Алупку мой берет... Я забыла взять... Не забудь.

– Завтра пошлю, милая.

И, словно бы внезапно спохватившись, прибавила:

– А ты и не хотела показать, как устрои-
лись в купе. Покажи...

– Пойдем, мама...

И когда они вошли в маленькое купе, пол-
ное букетами цветов, мать воскликнула:

– И как же хорошо... И как я рада, что ты
счастливая! – прошептала мать.

– О да... да... Но, мамочка... Ведь надо Ник-
су сказать, – чуть слышно, взволнованно ска-
зала Мета.

– Я говорила тебе... Не теперь только...

– А когда?

– Завтра, послезавтра... понимаешь... Как
мы обворожительны! – восхищенно промол-
вила мать и обняла дочь. – Ну, идем, Мета.

Они вернулись на платформу обе веселые.
– Ведь ненадолго прощаемся, Мета... Не правда ли?

– На месяц, мама.

«Никс так меня любит!» – подумала Мета, ища глазами мужа.

Никс, плотный, цветущий, красивый блондин одних лет с женой, с решительными, слегка наглыми голубыми глазами, с подстриженной маленькой бородкой и пушистыми, кверху вздернутыми усами, в темно-синем вестоне [4] и в мягкой шляпе, ходил по перрону под руку со своим товарищем по лицу, старым другом и сослуживцем по министерству.

Далеко не счастливый по виду, молодой, озабоченный и раздраженный, он сдержанно-тихо говорил другу:

– Ради самого черта, Венецкий! Сделай все... все...

– Сделаю, Никс...

– Не забудь... Не зарежь меня... Завтра же поезжай к Александре Эсперовне. Всего удобнее в два часа... Прежде был мой час, и муж

на службе... Успокой. Ври... ври, объясняя, почему я уехал, не простившись... И скажи, что, как вернусь из Крыма, буду у нее... А то, что обещал, пришлю из Алупки...

– Разве ты, Никс, и у Александры Эсперовны занял?

– А ты думал, что я ей дал взаймы?.. Откуда? От американского дядюшки, что ли, наследство?.. Или ты мне дал?.. Одним словом, будь чрезвычайным послом... И благословляю тебя... В качестве утешителя сделайся другом сердца... Она...

– Свинья ты...

– Охотно верю... Но, главное, уговори моих подлецов кредиторов... Я их просил... Верят мало... Убеди, что получу же за женой средства... Со всеми расплачусь.

– Много ли берешь за женой?

– Не меньше двухсот тысяч... Есть пензенское имение. Продают... Конечно, дурак! – раздраженно прибавил Никс.

– На всякого мудреца довольно простоты...

– Еще если бы был влюблен до одурения...

Решил утром сегодня предложить генеральше ультиматум... Сколько? И немедленно два-

дцать пять тысяч... И понимаешь, какое-то идиотство нашло... Ни слова!.. Неловко было сказать, что, кроме долгов, ничего... А ведь мог бы сегодня заткнуть все дыры... Так и обещал подлецам... И теперь, если они предъявят векселя ко взысканию... Скандал!..

– Скажи жене...

– Еще бы!.. Не броситься же под поезд!.. Я хочу жить как порядочный человек... Для чего же ты держал сегодня над моей головой венец?.. Мета будет прелестной женой... Влюблена, не глупа, не terre a terre [5] с ревнивыми сценами и записными книжками. Душевное спокойствие. Звонки не будут раздражать... Мирный очаг в уютном гнезде. Пора избавиться от моей каторги...

Вдруг Никс нахмурился и раздраженно промолвил:

– Повернем... Сейчас полюбуешься вот этим мерзавцем, который пришел сюда...

«Мерзавец» в образе почтительного швейцара подошел к Никсу и, снимая фуражку с галуном, чуть слышно прошептал:

– Когда же? Все вам отдал, Николай Иванович!

– Видите, женился... Получу... Вернусь через месяц... Все получите, – почти тихо, чуть слышно промолвил Никс.

И внушительно и громко прибавил, сунув швейцару золотой:

– Так смотри же, Викентий!.. Ступай!

Никто, разумеется, не догадался в чем дело.

Швейцар, по-видимому, мало обнадеженный, что скоро посмотрит на свои деньги, не особенно горячо поблагодарил и, надевши фуражку, с мрачным видом пошел к выходу.

– Нет!.. Это черт знает что... Скотина вообразил, что удираю из-за его тысячи рублей...

Пробил второй звонок.

– Так будь другом, Венецкий... Все, что просил...

– Постараюсь, Никс.

– Один месяц пусть подождут... Один месяц – и все до копейки... Телеграфируй в Алупку... Разумеется, условно...

– Конечно...

Друзья вернулись к вагону.

Начались пожатия рук, объятия, поцелуи и пожелания.

– Счастливец Никс! – говорили приятели.

– Прелестная пара! – заметила какая-то дама.

Все посторонились, когда пожилой господин в фетре подошел к племяннице.

Он три раза поцеловал Мету, наскоро перекрестил ей лоб и сказал:

– До свидания, Мета... Если удосужишься, напиши – как погода в Крыму.

– Непременно, дядя... Будь здоров!

– Какое тут здоровье? – недовольно промолвил его превосходительство, точно Мета осмелилась желать здоровья человеку, который постоянно считает себя нездоровым и все-таки работает с утра до ночи, удивляя по временам авторов восторженных статей «железной энергией и неусыпным трудолюбием» его превосходительства.

– Ты, дядя, взял бы отпуск... Нельзя так работать! – с трогательным участием проговорила Мета. – Приезжай в Крым...

– Отдохни ты за меня, Мета! – шутливо сказал дядя.

Мета уж была в объятиях матери, а перед его превосходительством словно выплыл из-

за жены Никс, почтительно наклонив обнаженную, коротко остриженную белокурую голову.

– Ну, доброго пути, Николай Иваныч! – довольно равнодушно говорил пожилой господин, и взгляд его стал еще застланнее и, казалось, непроницаемее.

Он протянул маленькую руку в лайковой желтой перчатке и, слегка пожав руку нового родственника, не внушавшего доверия ни к его способностям, ни к его средствам, ни к его основательности, прибавил чуть-чуть мягче, но все-таки деловым тоном:

– Благоразумно сделали, что везете жену в Крым. Отдыхать и тратить деньги лучше дома, чем за границей!

Никс согласился и поспешил отойти, чтобы проститься с родными и приятелями.

Его превосходительство не стал ожидать третьего звонка.

Он сделал общий любезный поклон, сделал приветствие рукой Мете и твердой, быстрой походкой направился к выходу.

«К себе не возьму!» – бесповоротно решил он о Никсе.

И его превосходительство стал думать о весьма важной записке, которая лежала на столе в его кабинете. Его лицо оживилось. Он не сомневался, что запиской «подложит сви- нью» одному из своих коллег.

С уходом пожилого господина в фетре почти все провожавшие Руслановых словно бы почувствовали облегчение от необходимости льстить и от невозможности позлословить насчет его превосходительства.

Тотчас же пошли сдержанные обмены впечатлений.

Сестра его превосходительства, молодящаяся генеральша, первая же шепнула дочери:

– Я думала, что он хоть теперь тебе даст пакет, Мета... Он ведь знает, что мои дела не блестящи... И я не могла...

– Скряга! – ответила Мета...

– Эгоист был, эгоист и остался!

Какая-то родственница Меты говорила блестящему офицеру:

– Кажется, мог бы подарить что-нибудь приличное племяннице... А то скверненький браслет в сто рублей... И ведь одинок... Старый холостяк...

– Ну, не совсем одинок, – заметила другая дама.

– Не очень-то ему стоит эта дама.

– Скуп!

– И жалуется, что, кроме жалованья, ничего.

– Знаем мы эти «ничего»... И вдруг где-то имение в триста тысяч.

– Не мудрено. Рыцари без страха и упрека обязательно выигрывают на свой билет двести тысяч! – проговорил какой-то статский смеясь.

Красивый седой генерал говорил другому генералу.

– Ты знаешь... Я командовал полком, а он был в то время каким-то незначительным «чинушей».

Красивый генерал подернул плечами, точно был обижен и удивлен.

– А ловкая шельма... Слышал, недавно? – ответил генерал.

И не без завистливого смеха говорил что-то на ухо другому.

– Неужели?

– Все говорят.

Пробил третий звонок. Поезд тихо тронулся.

Мета и Никс весело кивали из открытого окна купе в ответ на поднятые шляпы мужчин и воздушные поцелуи дам.

Генеральша, отирая слезы, крестила в воздухе дочь и воскликнула:

– Да хранит тебя бог! Пиши, Мета!

Разбившись на группы, провожающие пошли к выходу. Слышались замечания о новобрачных.

– Никс прогадал... У Меты ничего.

– А пензенское?

– Один из воздушных замков матери... Кругом должна.

– А у Никса?

– Долгов еще больше.

– Бедная Мета... Она так любит.

– Этого мало... Бедняга Никс!

– Толком узнай, что получает.

– Влюбились...

– Никс!? Едва ли...

– Но как они будут жить?

– Дядя устроит... Заплатит долги Никса ради Меты...

- Не из таких американских дядюшек.
- Никс сам виноват. Не женись!
- И зачем Мета пошла за нищего?

Никс волновался... «Что даст ему женитьба?»

Он прибрал к месту букеты, коробки с конфетами, саки и чехлы с зонтами.

Мета сняла шляпу, посмотрела на себя в зеркало, сняла перчатки и взглянула на свои красивые руки с кольцами на длинных тонких пальцах.

Оба сели рядом.

«О делах еще рано!» – подумал Никс и поцеловал Мету.

Мета приникла к нему. Никс не без сентиментальности гладил ее волосы.

Мета, казалось, предпочла бы более серьезные доказательства счастья Никса. Когда он был женихом, не гладил головы, а целовался.

И, переполненная чувством, она почти умиленно, восторженно прошептала:

– О, как я люблю тебя! И как я горжусь тобой. Никс.

Что Мета, давно желавшая семейных радостей и считавшая флирт одним из приятных видов спорта, была как кошка влюблена в

дьявольски красивого блондина, это было естественно и понятно. Но почему она могла гордиться Никсом, – этого не мог понять даже и при всей своей наглости Никс.

Кроме лица и сложения, он никакого повода для гордости не подавал.

Но это ему было приятно, – пусть гордится мужем!

И Мета, на которой он женился с специальной целью, ему очень нравилась. Кроме «души», у нее была и красота... Двадцать семь, правда, но моложава и свежа. Сложена отлично. Целуется вкусно, – видно, выучилась на флирте. Читает даже журналы. Умеет вести умные разговоры без претензий *bas bleu* [6]. Умеет одеваться. Влюблена и влюбится сильнее. С матерью не особенно дружна. Генеральша слишком афиширует своего юнца любовника, невозможного балбеса.

Вот все или почти все, что знает Никс о жене.

Он подумал, что пока еще не может ею гордиться.

Вот когда убедится, что даст пензенское имя...

Никс не сомневался, что оно «серьезно» и Мета обеспечена... Она не девчонка и не дура, понимает, что порядочным людям жениться нельзя только на влюбленных девушках... И теперь домашний очаг казался Никсу такой прелестью... И Мета так мила в своем проявлении горячего порыва, что Никс как будто и не совсем лживо смягчил свой мягкий голос до влюбленной нежности, когда, крепко сжимая руку Меты в своей, говорил:

– Любимая... Родная... Моя красавица... И как хорошо мы проживем в Крыму... Море... Горы... Тепло... Прогулки... И вместе... вместе...

И Никс прибавил:

– В Москве остановимся. Хочешь, Мета?

– Конечно. Я не была в Москве... Там хорошо?

– Гостиницы недурны. Остановимся в «Дрездене». Завтракать в «Большом Московском»... Обедаем в «Эрмитаже»... Кормят хорошо... А вечером...

Никс сообразил, что в его словах нет обязательно поэтического настроения. Он говорил с женой почти так, как говорил с легкодоступной женщиной, когда возил такую в Москву

дня на три. Он обещал роскошный номер, обе-
ды в «Эрмитаже» и вечер у Омона.

И Никс понимал, что, во всяком случае,
нужна «поэзия».

И он сказал:

– Мы будем счастливы, Мета.

– Если ты...

– Что?

– Не разлюбишь скоро...

– Тебя?

И Никс рассмеялся. Он хотел поцеловать
Мету, но в двери постучались.

Вошел кондуктор, взял билеты и спросил,
когда приготовить постели.

– В Любани. Мне есть хочется. А тебе, Ме-
та?

И ей захотелось есть... Сегодня был позд-
ний завтрак *dinatoire* [7].

Когда они остались одни, Мета серьезно
спросила:

– Так не разлюбишь?

– Нет, нет, нет...

– Ты раньше любил, Никс?

– Никого.

– А эти твои дамы...

– Ты слышала?

– Да...

– Ну, так это были увлечения... Мимолетные связи... А теперь... Теперь совсем другое... Понимаешь... Тихий домашний очаг... Уютное гнездо... Красавица, умница жена... Милая!.. Но отчего твой дядя недоволен, что ты вышла за меня замуж?

– Он только собою доволен... И не все ли тебе равно, Никс?.. Мы любим друг друга...

– Это не мешает, Мета, чтобы твой скряга перевел меня к себе и устроил бы лучше, чем в моем министерстве.

– Мама попросит... И я, Никс... Не тревожься!

– Я не тревожусь... Надеюсь, и без дяди мы можем жить порядочно... То, что у меня, да твое пензенское... Прости, Мета, что говорю о такой прозе.

И Никс прибавил «поэзии» в поцелуе.

Напоминание о «пензенском» испугало Мету. Она почувствовала себя безмерно виновной перед Никсом и, полная раскаяния, мучилась, что во время флирта с ним как-то мимоходом сказала о «пензенском». А мама

тоже говорила при Никсе о продаже пензенского... Никса обманули... Он верил... Он не скрывал, что не имеет большого состояния...

И Мета забыла совет матери...

«Никс так любит... Он простит... Надо сию минуту сказать!» – мучительно-нетерпеливо подумала Мета и со слезами на глазах трагическим шепотом проговорила:

– Никс... Милый... Хороший... Прости...

И, вероятно, понимая, как вернее получить прощение, Мета крепче целовала Никса в губы.

Никс отвел губы, чтобы удобнее было Мете говорить, а ему слушать. Он в первую минуту не пришел в ужас от того, что рассчитывал узнать. Его мужское самолюбие было оскорблено, и он уже заранее примирялся с Метой.

«Дофлиртилась к двадцати семи летам!» – подумал он.

Снисходительно-насмешливая улыбка скользнула по его губам и, поглаживая склоненную голову Меты, Никс ласково прошептал:

– Не волнуйся, Мета... Рассказывай, родная... что такое?.. Если бы и роман был... Раз-

ве я, милая, не люблю тебя...

– И тебе не стыдно, Никс?.. – с нежным упреком промолвила Мета...

Никс продолжал гладить голову.

Внезапно освобождая свою голову, Мета прибавила:

– Что это у тебя за привычка гладить волосы, Никс?..

Никс извинился и просил:

– Так какая у тебя, Мета, тайна? Она очень страшная? – шутя прибавил Никс.

– Она меня мучила... Хотела раньше, но...

– Говори.

– Милый! Пензенского имения нет!

Никс в первую минуту, казалось, не понимал.

И прошептал подавленным голосом:

– Что?! Как?!

– И ничего у меня нет... Знай, Никс! И ты не разлюбишь своей Меты?.. Ведь нет?

И Мета хотела обвить шею Никса. Он отодвинулся.

Мета взглянула на него и... увидела совсем другое лицо.

Оно было бледное, злое и испуганное. Гла-

за горели резким блеском. Губы искривились. Он с нескрываемым презрением смотрел на Мету и нервно теребил бородку.

«И он только что говорил о любви?» – подумала Мета и замерла в ужасе, не спуская с Никса влюбленных глаз.

Несколько секунд царило молчание.

IV

Едва сдерживаясь, Никс проговорил: – Что ж вы со мной сделали, Марья Александровна?.. Вы обманули меня?.. Вы предполагали, что одной любви достаточно?.. Чем же мы будем жить... Как вы предполагаете?..

– О Никс... Этот тон... Ты говорил, что любишь...

– Говорил... Но я не думал, что вы вместе с матерью так подведете меня... Понимаете ли? Положение мое отчаянное... Кругом в долгах... Векселя... И я обнадежил кредиторов... А теперь... Под поезд, что ли?

Мета зарыдала.

– Никс... Никс... Ужели ты из-за денег женился?..

– Женился, надеясь избавиться от петли... Не первый, не последний. А вы мне нравились. Очень... И мне досадно, что у такой хорошенькой женщины нет средств. Поверьте, я был бы недурным мужем богатой жены. Это естественно. Но не скрою...

– Еще чего? – спросила подавленная Мета.

– Скажи вы, что у вас ничего нет...

– Не женились бы?

– Разумеется... Оттого-то вы и ваша мама поймали меня на пензенском имении. Влюбились в меня... Но... ведь это не помешало бы нам отлично любить друг друга без обряда венчания... если бы вы без предрассудков признали эту форму счастья. А я приискал бы девушку со средствами...

Мета возмущалась и негодовала. Ей хотелось сказать Никсу, что он нечестный человек.

Но она бросилась к нему и, целуя его, шептала:

– Я люблю тебя... Прости... прости... Люби меня, Никс.

В эту минуту постучали в двери и кондуктор сказал:

– Любань! Три минуты!

Никс велел кондуктору взять его вещи.

– Это что значит? – растерянно спросила по-французски Мета.

– Остаюсь в Любани – и в Петербург.

– А я...

– Как вам будет угодно. Или в Крым поез-

жайте... или в Москву и в тот же вечер домой,
к маман... Отдельный вид пришлю к гене-
ральше. Затем развод... Имею честь кланять-
ся!

Никс почтительно снял шляпу и вышел.

– Infame! [8] – сказала Мета.

И бросилась в подушку и рыдала.

1902

Пульмановский вагон – вместительный спаль-
ный или товарный вагон. Впервые такие ва-
гоны стали производить заводы Джорджа
Пульмана в США.

[^^^]

2

...были из «монда» – т.е. из высшего света
(франц.).

[^^^]

...хотя его высокопревосходительству не было... дела... до его превосходительства... – согласно введенной Петром I Табели о рангах, к лицам, имевшим чин второго класса (действительным тайным советникам, генералам родов войск, адмиралам), полагалось обращаться «ваше высокопревосходительство»; а чин третьего класса (тайным советникам, генерал-лейтенантам, вице-адмиралам) – «ваше превосходительство».

[^^^]

4

Вестон – піджак (*франц.*).

[^^^]

Заурядная (*франц.*)

[^^^]

6

Синего чулка (*франц.* фигур. – ученой женщины)

[^^^]

7

Заменяющий обед (*франц.*)

[^^^]

Подлец (*франц.*)

[^^^]